

Глава 2. Радость сменяется горем — перерождение

Сун Цяньцзи стремительно падал, и ветер ревел у него в ушах. Он инстинктивно попытался призвать свой личный летающий меч, чтобы спасти парня.

— Явись!

Ничего не произошло. Отчаянный крик падающего юноши продолжал эхом отдаваться в ущелье.

Оказалось, что самое мучительное — это не «самоподрыв в тупике», а «перерождение, когда крайняя радость сменяется горем».

Нынешний «Сун Цяньцзи» был всего лишь учеником внешней школы Хуавэй с ничтожным уровнем совершенствования и слабыми познаниями в Дао.

Тот самый меч, что являлся по первому зову и позволял ему парить над миром, будет выкован лишь через сто лет.

Сун Цяньцзи стиснул зубы, резко оттолкнулся от стены ущелья и, словно стрела, пущенная из лука, бросился к падающему юноше.

Протянув руку, он ухватился за край его рукава. Прежде чем ткань успела порваться, он крепко сжал запястье юноши и почти одновременно выхватил из-за пояса короткий кинжал, с силой вонзив его в скалу.

Осколки камня брызнули во все стороны, царапая ему лицо.

Падение прекратилось, крик оборвался. Наконец-то воцарилась тишина.

Юноша тяжело дышал, мёртвой хваткой вцепившись в правое запястье Сун Цяньцзи. Они были одеты одинаково — в стандартную форму учеников внешней школы: грубый белый халат и тёмно-синий пояс. Сейчас их длинные рукава наполнились ночным ветром, и они болтались в воздухе, словно два повешенных.

Вес обоих пришёлся на левую руку Сун Цяньцзи, сжимавшую кинжал, на которой вздулись вены.

Холодная луна освещала тысячи горных вершин, но её свет не мог проникнуть в бездонную пропасть.

Это место, с его особыми геомагнитными свойствами, подавляло духовную энергию заклинателей, что делало его идеальным для убийств и избавления от тел.

В горах раздавался рёв зверей, а из ущелья поднимался белый туман. В десяти чжанах от них из скалы росло раскидистое древнее дерево.

— Держись крепче! — крикнул Сун Цяньци.

Юноша в панике, с ладонями, полными холодного пота, бессвязно бормотал:

— Я не могу удержаться, не могу... отец, мать, простите меня...

— Видишь то дерево? Я сосчитаю до трёх и раскачаю тебя туда.

Сун Цяньци опустил голову и в тусклом лунном свете увидел бледное, бескровное лицо.

Юноше было лет тринадцать-четырнадцать, с тонкими, ещё детскими чертами лица и глазами, полными отчаяния.

Он не мог вспомнить его имя. Этот первый «камень в основании» должен был быть кем-то незначительным, к тому же прошло столько времени, что память, естественно, стёрлась.

— Сун Цяньци! — выкрикнул тот первым, его глаза налились кровью. — Я, Мэн Хэцзэ, всегда поступал честно, никому не причинял зла, и с тобой у меня не было вражды. За что ты...

Сун Цяньци начал обратный отсчёт:

— Три... два... — Он собрал всю свою скудную духовную энергию и, резко выдохнув, крикнул: — Один!

Юноша по имени Мэн Хэцзэ взмыл в воздух, описав дугу.

— А-а-а!

Ветви старого дерева яростно затряслись, посыпались листья.

Мэн Хэцзэ, цепляясь руками и ногами за ветку, всё ещё не придя в себя, в истерике закричал:

— Ты больной?! Просто взял и швырнул! Мог бы хоть предупредить! А если бы ты промахнулся? Я же чуть не умер!

Обернувшись, он увидел, что правая рука Сун Цяньцзи неестественно свисает под странным углом.

Она была сломана.

Лоб Сун Цяньцзи покрылся холодным потом, но лицо оставалось спокойным, лишь слегка поджатые губы выдавали боль. Очевидно, он ожидал этого.

Мэн Хэцзэ замер, его гнев немного поутих.

— Эй, ты в порядке?

Этой ночью его жизнь перевернулась с ног на голову, и в голове царил полный хаос.

Сун Цяньцзи, чтобы спасти его, без колебаний пожертвовал своей рукой.

И это была правая рука, которой он владел мечом.

Все ученики внешней школы знали, что Сун Цяньцзи усердно тренировался с мечом, невзирая на жару и холод, дождь и ветер. Он был одержим тренировками, желая лишь пройти отбор и попасть во внутреннюю школу.

Завтра утром должны были состояться испытания внешней школы, а сегодня ночью он сломал руку и сорвался с утёса. Это было равносильно тому, чтобы разрушить своё будущее и прервать путь к бессмертию.

Если бы Сун Цяньцзи не повредил правую руку, он смог бы взобраться наверх с помощью кинжала. Нет, ему вообще не нужно было прыгать вниз.

Почему?

Настроение Мэн Хэцзэ было сложным.

«Неужели я ему нравлюсь, и раз уж мы не можем „жить под одним одеялом“, он решил „умереть в одной могиле“? Он хотел сначала убить меня, а потом прыгнуть с утёса в знак любви, но после того, как толкнул меня, одумался и решил пожертвовать собой ради моего спасения?»

«Но я ведь не по этой части...»

— Старший брат Сун, ты в порядке?

Если бы Сун Цяньцзи знал, о чём он думает, он бы непременно разразился бранью. В голове у этого сопляка одни глупости и романтическая чушь!

Но ему было не до ответов. И не из-за боли — в прошлой жизни он натерпелся столько, что такая мелочь его не трогала.

Причина была в другом. Он был в ужасе.

В тот момент, когда его правая рука вывихнулась, он обнаружил, что, хотя это тело было крайне слабым и не могло выполнить даже простейшую технику лёгкости, в его пурпурном дворце таился отблеск света, словно там был спрятан могущественный артефакт.

Из его духовной обители, пурпурного дворца, просочился тёплый ручеек, что начал безмолвно питать меридианы его правой руки. И это был исцеляющий артефакт.

Этого не должно было быть. Пятнадцатилетний Сун Цяньцзи никогда даже не прикасался к настоящему артефакту.

У него был лишь низкоуровневый меч, купленный у дьякона внутренней школы. Он был сделан из отходов, оставшихся послековки мечей для избранных учеников, и стоил ему всех сбережений.

Это был не артефакт, его нельзя было очистить и поместить в пурпурный дворец для питания. Сун Цяньцзи каждый день после тренировки тщательно протирал меч и прятал его в ножны. С собой он носил лишь короткий кинжал для самообороны — тот самый, что сейчас был вонзён в скалу.

«Бедность убивает. Если меч повредится, у него не будет денег на ремонт или новуюковку, и с чем тогда он будет сражаться на отборочных испытаниях?»

Сун Цяньцзи осторожно исследовал свой пурпурный дворец. Его духовное чутьё было ещё слабым, но он с трудом смог применить технику самосозерцания и увидел смутный белый силуэт, похожий на драгоценную вазу.

Это был Сосуд Очищения!

Тот самый пространственный артефакт, который он лично создал для хранения Источника Бессмертия, способный сохранять духовную энергию и предотвращать порчу воды.

Сун Цяньцзи слегка задрожал. Он увидел радужное сияние, исходящее от Сосуда.

Содержимое сосуда было ему знакомо лучше, чем кому-либо, — Источник Бессмертия. То

самое небесное сокровище, за которое он отдал бы жизнь, которое стало причиной всемирной охоты на него и которое таило в себе неисчерпаемую жизненную силу.

Он должен был исчезнуть вместе с ним во время самоподрыва, но теперь тихо парил в его пурпурном дворце, излучая мягкий свет.

В прошлой жизни, до самой своей смерти, Сун Цяньцзи так и не обнаружил целительных свойств Источника Бессмертия. Вернее, он даже не пытался исследовать его другие возможности.

Все подозревали, что он хочет присвоить сокровище, но на самом деле он считал его «общественным достоянием» и даже не помещал в свой пурпурный дворец, а хранил в обычном пространственном артефакте.

Сун Цяньцзи попытался извлечь Сосуд Очищения, но его духовное чутьё пронзила острая боль, словно от ожога. Сокровище обладало духовным давлением, подобным ауре великих мастеров. Его нынешний уровень совершенствования был слишком низок, а духовное чутьё — слишком слабо, чтобы прикоснуться к артефакту такого уровня.

«Он сидел на горе сокровищ, до которой не мог дотронуться»

Но Сун Цяньцзи не спешил. Он лишь глубоко вздохнул, переполненный смешанными чувствами.

«Раз уж спаситель предопределён небесами, судьба человечества — не моя забота. Лучше отправлюсь в мир смертных, найду тихое, уединённое место. С неисчерпаемой жизненной силой Источника Бессмертия любая мёртвая земля или голая гора превратятся в райский уголок»

«Средняя продолжительность жизни смертного — пятьдесят лет. Если я буду следить за собой, доживу до девяноста. Великая катастрофа начнётся только через сто двадцать лет. До этого времени в мире будет царить мир и процветание. Меня ждёт много хороших дней»

Перед ним открылась новая дорога. На ней не было кровавых битв, лишь плодородное поле, стайка кур и уток, просторный дом...

Он висел в воздухе, держась за кинжал, раскачиваясь на холодном горном ветру. Жалкое зрелище.

Но на душе у него было легко, словно сильный ветер унёс все тяготы. Он по-настоящему обрёл новую жизнь.

«Путь бессмертия? Пусть по нему идёт кто хочет. Этот мир? Пусть его спасает кто хочет»

«Сегодня же я покину гору Хуавэй, стану обычным человеком, буду развлекаться, заниматься земледелием, проживу короткую, но яркую жизнь»

— Старший брат Сун, скажи что-нибудь! — настойчиво звал его Мэн Хэцзэ.

— Я в порядке, — открыл глаза Сун Цяньцзи, он был в прекрасном настроении. — Это место особенное. Горные хребты образуют здесь формацию «Пленяющая дракона цепь». Твои обычные пути циркуляции духовной энергии здесь не работают. Я научу тебя новой технике лёгкости, запоминай внимательно. Освоишь её — и сможешь свободно передвигаться.

— Зачем ты сначала пытался убить меня, потом спас, а теперь ещё и учишь техникам? — с недоумением спросил Мэн Хэцзэ.

— Сосредоточься, успокой дух, вернись к истоку.

Мэн Хэцзэ не хотел упускать такой шанс. Он сел на ветку, скрестив ноги, в позу для медитации. Сначала он отнёсся к этому с сомнением, но чем больше слушал, тем сильнее поражался. Это была не обычная техника. Она была изысканной и глубокой, но при этом объяснялась простым и понятным языком. Он не знал, где Сун Цяньцзи мог её раздобыть.

Ученики внешней школы, хоть и назывались учениками, на самом деле по статусу не отличались от прислуги. Они возделывали духовные поля, кормили духовных зверей, добывали духовные камни, прислуживали ученикам внутренней школы и дьяконам. В обмен они получали скудные духовные камни, на которые покупали техники для совершенствования. Школа, кроме самой базовой еды и одежды, ничего не предоставляла.

Техники, духовные камни, благодатные земли — всё это было прочно захвачено и поделено между великими школами и кланами. Путь наверх для тех, кто был внизу, был практически закрыт.

Не хочешь быть прислугой в обмен на ресурсы? Ничего страшного. На твоё место найдётся бесчисленное множество смертных, жаждущих ступить на путь бессмертия.

Мэн Хэцзэ почувствовал необъяснимое волнение. Эта изысканная техника лёгкости, которую старший брат Сун, несомненно, с большим трудом добыл как свой «козырь» для завтрашних испытаний, теперь была безвозмездно передана ему.

— Всё запомнил? — нахмурился Сун Цяньцзи, недовольный его рассеянностью.

— Слово в слово. Спасибо, старший брат, за наставление.

Выражение лица Сун Цяньцзи смягчилось. Он не ожидал, что у этого парня такие хорошие способности: даже отвлекаясь, он всё запомнил на лету.

Растроганный благодарностью и видя, что парень способный, он решил довести дело до конца.

— Найди себе место, хорошенько выспись и ни с кем не встречайся. Появишься только после окончания завтрашних испытаний.

Мэн Хэцзэ был потрясён.

— Ты хочешь, чтобы я пропустил испытания? Твоя правая рука ранена, я тоже буду отсутствовать... Место во внутренней школе просто так достанется этому Чжао? Я не согласен! Неужели ты согласен?

Сун Цяньцзи вспомнил события прошлой жизни, и у него разболелась голова.

— Чжао Цзихэн — племянник дьякона Чжао из внутренней школы. Дьякон Чжао прослужил в Школе Хуавэй пятьдесят лет. Разобраться с парой учеников внешней школы для него — пара пустяков. Эти испытания — всего лишь формальность. Место Чжао Цзихэна уже предрешено, понимаешь? Иначе почему, по-твоему, мы здесь висим посреди ночи и ловим ветер? Охлаждаемся, что ли?

В прошлой жизни его подговорили пойти на сделку с дьяконом Чжао. Он думал, что, избавившись от Мэн Хэцзэ, получит шанс попасть во внутреннюю школу.

На собрании, посвящённом испытаниям, запись, где Сун Цяньцзи толкает человека с обрыва, была показана всем. Это была публичная казнь.

Толпа была в ярости. Его проклинали и презирали. Смертный приговор был вынесен на месте, и он тут же получил триста ударов божественным кнутом.

Чжао Цзихэн благополучно прошёл отбор и даже заслужил репутацию борца за справедливость. А о судьбе Мэн Хэцзэ, сброшенного в пропасть, никто не заботился, и никто не стал искать его тело.

Сун Цяньцзи, рискуя жизнью, сбежал из тюрьмы и с тех пор стал вольным заклинателем.

Мэн Хэцзэ был неглуп и всё понял.

— Так вот какая связь между Чжао Цзихэном и дьяконом Чжао... Неудивительно. Дьякон Чжао приказал тебе избавиться от меня. Если бы ты не притворился, что согласен, он бы нашёл другой способ. Поэтому ты разыграл этот спектакль, чтобы они думали, что мы мертвы. После окончания испытаний мы будем в безопасности, — он смущённо добавил: — Старший брат Сун, ты так всё продумал, а я-то думал, что ты ко мне...

— Что ко мне? — не понял Сун Цяньцзи.

— Н-ничего! — Мэн Хэцзэ быстро сменил тему. — После этого случая я по-настоящему узнал тебя, старший брат Сун. Ты — человек высоких моральных качеств, не желающий якшаться с негодьями. Ты спас мне жизнь, научил технике... Раньше я ошибался на твой счёт.

— Ошибка! — поспешил прервать его Сун Цяньцзи. — Всё совсем не так! Считаю, что я просто вернул тебе долг из прошлой жизни!

С такими способностями, как у Мэн Хэцзэ, если бы он выжил после падения в прошлой жизни, он наверняка стал бы заметной фигурой.

В нём на мгновение проснулось сочувствие к таланту, и он искренне посоветовал:

— Путь к бессмертию долог. Не стоит заикливаться на сиюминутных победах и поражениях. Что такого в том, чтобы пропустить какие-то испытания внешней школы? В начале следующего месяца состоится Изящное Собрание «Достичь известности», которое проводится раз в десять лет. В этот раз его принимает Школа Хуавэй, и ученики внешней школы тоже могут участвовать. Готовься, копи силы, и тогда у тебя точно будет шанс заявить о себе.

Всё, что можно было сказать, он сказал. Пора инсценировать свою смерть, сбежать и заняться земледелием!

Сун Цяньцзи, полный решимости, разжал пальцы.

Мэн Хэцзэ был тронут. Такую важную информацию Сун Цяньцзи поделил с ним без утайки, указав ему путь. И даже не ради благодарности, а сославшись на какой-то «долг из прошлой жизни».

Он хотел благодарить небеса и землю, благодарить злого дьякона Чжао и избалованного Чжао Цзихэна за то, что в этой лицемерной внешней школе он нашёл настоящего друга.

— Хорошо, дождёмся Собрания, и мы с тобой, братья, объединим усилия...

Не успел он договорить, как увидел, что Сун Цяньцзи слабо улыбнулся, его левая рука соскользнула с кинжала, и он камнем полетел в пропасть.

Деревья и ветви на склоне ломались под его телом, но падение не замедлялось.

— Старший брат Сун! — улыбка на лице Мэн Хэцзэ мгновенно застыла, кровь отхлынула от лица.

Душераздирающий крик юноши эхом прокатился по ущелью:

— Не-е-ет!

Сун Цяньци был готов рассмеяться в голос.

«Прощайте, сопляки! Прощай, Школа Хуавэй!»

«Чёрт, почему он прыгнул за мной?!»

«Неужели у молодёжи совсем нет своего мнения? Даже с обрыва прыгают за компанию?!»

Глава 3. Убедить человека встать на путь совершенствования — всё равно что перенести могилы его предков

— Старший брат Сун, не бойся!

Мэн Хэцзэ, лёгкий и проворный, словно ласточка, скользящая над водой, или обезьяна, не касающаяся земли, подхватил Сун Цяньци и закинул его себе на спину.

— На этот раз я тебя спасу!

Крутые, казалось бы, неприступные скалы теперь виделись ему ровной дорогой.

Мэн Хэцзэ и сам не ожидал, что в критический момент сможет раскрыть свой потенциал и применить технику лёгкости, которой его только что научил Сун Цяньци.

Ночь становилась всё глубже, ветер — всё сильнее, а крики насекомых и рёв зверей не умолкали.

Во второй половине ночи набежали тёмные тучи, скрыв ясную луну.

Лес шумел, словно морской прибой. Раздался глухой удар грома, и ночной ветер принёс с собой холодные капли дождя.

Под мелким дождём тёмная фигура, неся на спине другую, карабкалась по скале. Падающие камни и пыль отмечали их путь.

Сун Цяньцзи лишился дара речи.

Он просчитался.

Перед ним был благовоспитанный юноша, ещё не отравленный миром заклинателей, с обострённым до крайности чувством долга и ответственности.

В прошлой жизни, помимо фехтования и создания артефактов, Сун Цяньцзи был мастером побега и самоисцеления. Но сейчас он не мог использовать свои целительные техники. Ему оставалось лишь позволить Источнику Бессмертия в его пурпурном дворце медленно восстанавливать раны. Слишком быстрое исцеление вызвало бы подозрения у Мэн Хэцзэ, а если бы об этом узнали в Школе Хуавэй, это привело бы к новым проблемам.

Раз уж Сун Цяньцзи не собирался убивать свидетеля, он не должен был оставлять никаких улик.

План с побегом и фермерством придётся отложить...

— Наверху сейчас наверняка люди дьякона Чжао, — сказал Сун Цяньцзи. — Спускаемся вниз. Иди туда, куда я укажу.

— Хорошо! — без колебаний ответил Мэн Хэцзэ.

Ночной дождь лил не переставая, скалы стали скользкими, но Мэн Хэцзэ шёл уверенно.

Под морозящим дождём он занёс Сун Цяньцзи в пещеру, достал огненный талисман и осветил пространство.

Внутри пещера была покрыта пылью и паутиной, но на полу валялись обглоданные кости и сухая трава. Похоже, это было заброшенное логово какого-то зверя.

Мэн Хэцзэ развёл костёр, расчистил место и соорудил мягкую подстилку из травы, чтобы Сун Цяньцзи мог отдохнуть.

Как только всё было готово, он хлопнул себя по лбу.

— Ой, я забыл твой кинжал! Сейчас вернусь за ним!

Сун Цяньцзи лениво развалился на травяной подстилке и махнул рукой.

— Не надо. Он уже затупился, всё равно бесполезен.

— Я найду мастера артефактов, он его починит!

Сун Цяньцзи удивился:

— У тебя есть духовные камни?

— Я... я... — Мэн Хэцзэ замялся, его лицо выражало досаду и смущение.

Сун Цяньцзи рассмеялся.

— Да ладно, нет денег — не стыдно!

Для учеников внешней школы иметь одно-два оружия с выгравированными рунами, которые с натяжкой можно было назвать «артефактами», было уже большой редкостью и ценностью. Мэн Хэцзэ подумал, что старший брат Сун за одну ночь лишился и руки, которой владел мечом, и своего кинжала для самообороны. Какая трагедия.

Он стиснул зубы, достал что-то из-за пазухи и, вложив в руку Сун Цяньцзи, серьёзным тоном сказал:

— Старший брат Сун, это тебе. Носи, это поможет твоим ранам.

Предмет в руке был гладким и нежным. Сун Цяньцзи опустил взгляд.

Это был браслет из красного духовного нефрита с белой кисточкой. Восемнадцать бусин, кристально чистых и гладких, в свете костра отбрасывали тёмно-красные отблески, и казалось, что внутри них струится кровь.

На двух центральных бусинах были выгравированы два древних иероглифа.

— Чжэн... сянь? — прочитал Сун Цяньцзи.

— Моё второе имя — «Чжэнсянь». До того, как я пришёл в Школу Хуавэй, я жил в уезде Цинлу на континенте Тяньнань, и родные звали меня Мэн Чжэнсянь.

Мэн Хэцзэ смущённо улыбнулся, полностью доверяясь Сун Цяньцзи.

— В детстве я встретил одного буддийского монаха, он сказал, что у меня есть предрасположенность к совершенствованию. Эти чётки из духовного нефрита подарил мне тот мастер и велел потом прийти к нему в Храм Небесных Врат. Но какой смысл быть монахом? Я всё равно сбежал в Школу Хуавэй в поисках бессмертия.

Сун Цяньцзи, уставившись на чётки, задумался.

«Континент Тяньнань, уезд Цинлу, фамилия Мэн, второе имя Чжэнсянь, быть монахом...»

Знакомый предмет, знакомое имя и происхождение.

Он выпрямился и снова посмотрел на Мэн Хэцзэ. Юноша ещё не вырос, но спина его была прямой, как сосна. Черты лица — тонкие и чистые, взгляд — решительный, но в бровях всё ещё оставалась детская наивность.

Внезапно его осенило, и по спине пробежал холодок. Лицо юноши слилось с другим, зловещим образом.

— Ты — Нечестивый Будда! — выпалил он.

Мэн Хэцзэ опустил взгляд на свою обувь:

— Что с моей обувью?

— Ты — Мэн Чжэнсянь, — пробормотал Сун Цяньцзи, всё ещё не веря своим глазам.

Мэн Хэцзэ — это Мэн Чжэнсянь. Первый «камень в основании» его пути, которого он столкнул с обрыва в прошлой жизни, — это и есть величайший демон мира заклинателей, глава пути зла, Мэн Чжэнсянь Радости, который появится через семьдесят лет.

Сун Цяньцзи был готов проклинать небеса.

Ах ты, старый небесный вор! Я-то думал, ты вернул мне Источник Бессмертия из-за угрызений совести!

А ты, оказывается, приготовил для меня такой сюрприз!

— Это имя мне дали родители, — смущённо сказал Мэн Хэцзэ. — Давно я не был дома. Вот поступлю во внутреннюю школу, сразу же вернусь домой с почестями.

— У тебя есть родители? Сколько тебе лет?

— Мне четырнадцать, — радостно улыбнулся Мэн Хэцзэ. — Старший брат Сун, ты такой забавный. Я же не из камня вылутился, у кого нет родителей?

«Нет, я не забавный» — подумал Сун Цяньци. По слухам, Мэн Чжэнсянь в шестнадцать лет стал свидетелем убийства всей своей семьи, после чего сошёл с ума и встал на путь зла.

Осталось два года. Твои родители ещё живы.

В прошлой жизни ты практиковал «Радостный Чань», но никогда не выглядел радостным.

Ты убивал без раздумий, был угрюмым и холодным, будто все тебе должны миллион духовных камней и не отдадут уже сто лет.

На фоне беспринципного злого заклинателя Мэн Чжэнсяня даже вольный заклинатель Сун Цяньци казался образцом добродетели.

Что до смерти, то его конец был ещё ужаснее, чем у Сун Цяньци. Сун Цяньци хоть и испытал боль от самоподрыва, но это было быстро и чисто. Мэн Чжэнсяня же казнили, подвергнув тысяче порезов.

Наследие, оставленное им после смерти, нашёл главный герой, Вэй Чжэньюй. Спаситель мира забрал его артефакты, но не стал практиковать его быструю, но порочную технику. Вместо этого он усовершенствовал её, очистив от всего злого и превратив в истинно божественное искусство.

Сун Цяньци ощутил некое родство с ним, как с «товарищем по несчастью».

Он кивнул.

— Ты прав. Я был не в себе.

Никто не рождается без родителей, и никто не рождается демоном. В этой жизни Мэн Хэцзэ всё ещё был Мэн Хэцзэ. Его не столкнули с обрыва, и его семью не вырезали.

Зло ещё не проросло, все несчастья ещё не случились.

Мэн Хэцзэ, видя его сложное выражение лица, немного подумал и искренне извинился:

— Старший брат Сун, прости. Я забыл, что ты сирота. Я ранил тебя своими словами, это недостойно благородного мужа.

— Хе-хе, — криво усмехнулся Сун Цяньци. — Ничего.

Глава пути зла рассуждает с ним о «благородстве». Этот мир слишком сюрреалистичен.

Пока Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ прятались в пещере, дьякон Чжао зажёл глазурованную лампу и сидел у окна, заваривая чай.

Враг ты или друг, в Школе Хуавэй всем приходится слушать один и тот же весенний дождь.

Ночной дождь сначала моросил, барабана по лесу, словно голодные шелкопряды, грызущие листья тутового дерева, издавая тихий шорох.

Вскоре дождь усилился. Ручьи и реки вышли из берегов, водопады взревели. Крупные капли стучали по тысячам крыш, то тише, то громче, словно музыкант, бьющий в глиняный барабан.

Дьякон Чжао слушал дождь и заваривал чай.

Окно было приоткрыто, и ночной дождь вместе с прохладным ветром проникал внутрь, заставляя пламя в жаровне трепетать.

Сквозь жемчужную завесу дождя чёрные силуэты гор Школы Хуавэй растворялись в дождевой мгле, кажущиеся ещё выше и молчаливее.

Зал Дьяконов располагался на полпути к вершине горы, и дьякон Чжао занимал отдельную пятиэтажную башню. Это была особая привилегия во всём Зале Дьяконов.

Сидя у окна, он мог видеть внизу, в долине, скопление низких домиков.

Там жили ученики внешней школы. Серые черепичные крыши и белые стены были предоставлены ветрам и дождям, а в маленьких окнах тускло мерцали огоньки.

Внезапно два-три белых журавля взмахнули крыльями и, несмотря на дождь, взмыли в небо с присущей им грацией.

Эти ездовые животные не были обычными. За ними ухаживали специальные люди: кормили их алыми плодами, поили из духовных источников. Жили они лучше, чем ученики внешней школы.

Журавли парили в вышине, исчезая среди дворцов на вершине горы.

Там, над мрачными дождевыми тучами, в свете звёзд и луны, обитали их хозяева — ученики внутренней школы и великие старейшины. Их жилища, словно небесные чертоги, были недостижимы.

Высота и низость всегда относительны.

Когда дьякон Чжао в детстве поступил в Школу Хуавэй, старшие в его семье наставляли его лишь одной фразой: «Знай своё место».

Этому принципу он следовал неукоснительно.

Он был из семьи Чжао из уезда Цинъань на континенте Тяньбэй, хотя и из боковой ветви.

Он совершенствовался в Школе Хуавэй, ежемесячно получая духовные камни и пилюли, хоть и был всего лишь дьяконом, управляющим делами внешней школы и прислуживающим внутренней.

Но этих двух фактов было достаточно, чтобы превосходить бесчисленных простолюдинов и низкоуровневых заклинателей в мире смертных.

Камень, упавший с горы, для него был лишь камнем.

Но если этот камень падал на голову ученика внешней школы, он становился сокрушительной лавиной.

— Дьякон Чжао.

Молодой дьякон вошёл и, остановившись в пяти шагах, тихо позвал его.

Чжао Юйпин, не отрывая взгляда от чайного настоя, произнёс:

— Говори.

— Я последовал за Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ к Утёсу Разрушенной Горы. Как вы и предсказывали, доказательства получены.

Тот двумя руками протянул белый нефритовый диск, почтительно поднеся его.

Чжао Юйпин произнёс ещё одно слово:

— Включай.

Кольцевидный нефритовый диск засветился, и в воздух спроецировалось изображение. Смутно можно было различить лица Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ.

Чжао Юйпин приподнял веки и взглянул.

— Выключай.

Молодой дьякон спрятал Нефритовый диск, хранящий изображения, за пазуху, словно это было сокровище в десять тысяч золотых. Редко удавалось прикоснуться к такому дорогому артефакту, жаль, что только на один раз.

Он подобострастно улыбнулся.

— Тот Сун Цяньцзи, столкнув Мэн Хэцзэ, ещё и выругался. Наверняка что-то грязное. Я не стал записывать, чтобы не оскорбить ваш слух.

Чжао Юйпин откинулся назад и удовлетворённо улыбнулся, наконец-то перестав говорить односложно:

— О, он пожалел. Но какой смысл в сожалениях? Стоит ему сделать один неверный шаг, и он обречён на вечные муки.

Молодой дьякон поспешно сложил руки в знак уважения:

— Вы гениальны. Он прыгнул вслед за Мэн Хэцзэ. Это действительно вечные муки!

— О, он прыгнул... Что?! — Чжао Юйпин резко вскочил, его лицо исказилось. — Что ты сказал?!

Чайный сервиз полетел на пол. Чистые белые рукава были испачканы чаем, а драгоценная глазурованная посуда разлетелась на тысячи осколков.

<http://bllate.org/book/16982/1580623>